

*...Фея Моргана замуж не вышла
и жила в обители, и там обучилась
она столь многому, что стала великой
владычицей магии.*

Т. Мэлори. «Смерть Артура»

Б Л А Г О Д А Р Н О С Т И

Любая книга подобной сложности вынуждает автора обратиться к источникам столь многочисленным, что перечислить их все просто невозможно. В первых строках я, пожалуй, сошлюсь на моего покойного деда, Джона Роско Конклина: он первым вручил мне старый истрепанный томик «Сказаний о короле Артуре» Сидни Ланьера; я столько раз перечитывала эту книгу, что к десяти годам практически заучила ее наизусть. Воображение мое питали также разнообразные источники вроде иллюстрированного еженедельного издания «Сказаний о принце Отважном», а на пятнадцатом году жизни я удирала с уроков куда чаще, чем подозревали мои близкие, чтобы, спрятавшись в библиотеке Министерства образования города Олбани, штат Нью-Йорк, продираться сквозь десятитомное издание «Золотой ветви» Джеймса Фрэзера и сквозь пятнадцатитомную подборку по сравнительному религиоведению, куда, между прочим, входил и внушительный труд, посвященный друидам и кельтским верованиям.

В том, что касается непосредственной подготовки первого тома, мне следует поблагодарить Джеффри Эша, чьи книги подсказали мне несколько возможных направлений исследования, а также Джейми Джорджа, владельца книжного магазина «Готик Имидж» в Гластонбери, который помог мне разобраться в географии Сомерсета, объяснил, где находились Камелот и королевство Гвиневеры (в рамках данной книги я исхожу из популярной теории о том, что Камелот — это замок Кадбери в Сомерсете), и устроил мне экскурсию по Гластонбери.

Что касается христианства до Августина, я с разрешения автора использовала неопубликованную рукопись отца Рандалла Гаррета под названием «Литургия доконстантиновой эпохи: предположения»; обращалась я также и к текстам сиро-халдейского богослужения, включая сочинение святого Серапиона, равно как и к литургическим текстам местных обществ христиан святого Фомы и доникейских католических групп. Отрывки из Священного Писания, в частности, те, где речь идет о Пятидесятнице, и величание Богородицы мне перевел с греческого Уолтер Брин; хотелось бы также сослаться на книгу «Западная традиция таинств» Кристины Хартли и «Авалон сердца» Дионы Фортюн.

Любые попытки восстановить религию дохристианской Британии основаны лишь на предположениях и догадках; те, кто пришел следом, не пожалели усилий, стараясь уничтожить все следы. Ученые настолько расходятся во мнениях, что я даже не извиняюсь за то, что среди различных источников выбирала наиболее подходящие для моего художественного замысла. Я прочла работы Маргарет Мюррей (притом что рабски им не следовала) и несколько книг о гарднеровской «Викке». За возможность ощутить дух рядов я хотела бы с признательностью поблагодарить мест-

БЛАГОДАРНОСТИ

ные неоязыческие общества: Алисон Гарлоу и «Завет Богини», Выдру и Вьюнок Зелл, Айзека Боунвитса и «Новореформированных друидов», Робина Гудфеллоу и Гайю Уайлдвуд, Филипа Уэйна и книгу «Кристалльный источник» и Стархью, чья книга «Спиральный танец» оказала мне неоценимую помощь в моих попытках вычислить, в чем именно состояло обучение жриц; а за персональную и эмоциональную поддержку (включая утешения и массаж спины) в процессе написания книги — Диану Пакссон, Трейси Блэкстоун, Элизабет Уотерс и Анодею Джудит из «Круга Темной Луны».

И наконец, мне хотелось бы выразить глубочайшую признательность моему мужу, Уолтеру Брину, который однажды, в переломный момент моей карьеры, сказал: «Хватит писать беспроигрышную халтуру!» — и обеспечил мне необходимую для того финансовую поддержку; а также Дону Волхейму за неизменную веру в мои силы, и его жене Элси. С любовью и благодарностью говорю я спасибо Лестеру и Джуди-Линн дель Рей — они помогли мне преодолеть зависимость от привычных форм, а к этому обычно приходишь с трудом. И последним — в порядке очередности, но отнюдь не по значимости — я благодарю моего старшего сына Дэвида за тщательную подготовку окончательного варианта рукописи.

ПРОЛОГ

ТАК ПОВЕСТВУЕТ МОРГЕЙНА

Какими только именами меня не называли за долгую мою жизнь: сестра, возлюбленная, жрица, ведунья, королева... Вот теперь я воистину стала ведуньей; может стать ся, придет время, когда обо всем этом людям должно будет узнать. Однако ж, по правде говоря, думается мне, что последними повесть эту перескажут христиане. Ибо мир фэйри неуклонно отступает все дальше от мира, где правит Христос. На Христа я не в обиде; но лишь на его священников: они называют Великую Богиню демоном и отрицают, что свет когда-либо пребывал под ее властью. Или в лучшем случае говорят, что власть ее — от сатаны. Или облачают ее в синие одежды госпожи из Назарета — которая и впрямь обладает некоторым могуществом, спорить не буду, — и утверждают, будто она всегда была девой. Но что может девственница знать о скорбях и тяготах рода людского?

А теперь, когда мир изменился безвозвратно, и Артур — брат мой, мой возлюбленный, король былого и грядущего — покоится мертвым (простецы говорят, спит) на Священном острове Авалон, историю сию должно рассказать так, как все было на самом деле, прежде чем служители Христа Непорочного пришли и наполнили ее собственными святыми и всяческим вымыслом.

Ибо, как говорю я, мир изменился безвозвратно. Были времена, когда путешественник, при желании и зная лишь малую толику тайн, мог вывести ладью в Летнее море и приплыть не в Гластонбери, не в обитель монахов, но на Священный остров Авалон; ведь в ту пору врата между мирами парили в туманах, и были открыты, и пропускали странника из одного мира в другой, покорные его мыслям и воле. Ибо сию великую тайну в наши дни знали все ученые люди: помыслами своими мы создаем окружающий нас мир, всякий день и час — заново.

А теперь священники, недовольные сим посягательством на власть их Господа, создавшего мир раз и навсегда неизменным, затворили двери (что никогда дверями и не были, разве что в людских представлениях), и тропа ведет ныне разве что на остров Монахов, защищенный звоном церковных колоколов — звон этот отгоняет все помышления об ином мире, который таится во тьме. Воистину, утверждают святые отцы, если иной мир и в самом деле существует, так то — вотчина сатаны и врата ада, если не сам ад.

Невзирая на все слухи и сплетни, никогда я не имела дела с христианскими священниками и в жизни своей не одевалась в черные платья их невольниц-монахинь. Если при Артуровом дворе в Камелоте меня порою таковой и считали (ибо всегда носила я темные одежды

Великой Матери), так я не пыталась никого разуверить. Ближе к концу Артурова царствования сказать правду — означало бы навлечь на себя немалую опасность, так что я поневоле стала подстраиваться под обстоятельства; а вот госпожа моя и наставница никогда бы до такого не унизилась — Вивиана, Владычица Озера, некогда — лучший друг Артура, не считая меня; а позже — злейший враг, опять-таки не считая меня же.

Но борьба окончена; и смогла я наконец признать в Артуре, лежащем на смертном одре, не заклётого своего врага и врага Богини, но лишь брата и умирающего, что так нуждается в помощи Матери; все люди рано или поздно приходят к тому же. Даже священники это знают, ибо их вечно девственная Мария в синих одеяниях тоже в час смерти становится Матерью Мира.

И вот Артур наконец-то склонил голову мне на колени, видя во мне не сестру, и не возлюбленную, и не врага, но лишь жрицу, Владычицу Озера, и упокоился на груди Великой Матери, которая произвела его в мир, и к которой наконец должен он возвратиться, как заповедано смертным. И может статься, пока направляла я ладью, уносящую его прочь, — на сей раз не на остров Монахов, но на истинный Священный остров, что таится во мраке мира за пределами нашего, на тот остров Авалон, куда ныне мало кому открыт путь, кроме меня, — Артур раскаялся в том, что враждовал со мною.

Рассказывая сию повесть, я поведаю заодно и о тех событиях, что произошли, когда я была слишком мала, чтобы понять, в чем дело, и о том, что случилось, когда меня рядом не было; и слушатели, верно, отвлекутся, говоря: «Да это все ее магия». Но я всегда обладала даром Зрения, умела читать в мыслях мужчин и жен-

щин, — тем паче тех, с кем была близка. Порою все, о чем они думали, так или иначе становилось известным и мне. Вот я и поделюсь тем, что знаю.

Ибо в один прекрасный день священники тоже перескажут сию историю так, как она известна им. И, может статься, где-то между тем и этим забрезжит слабый свет истины.

Но вот о чем священники не ведают со своим Единым Богом и единой истиной: правдивых историй не бывает. Правда имеет много обличий; правда — что древняя дорога на Авалон, куда заведет тебя — зависит от твоего желания и твоих собственных помыслов, от тебя зависит — окажешься ли ты в итоге на Священном острове Вечности или среди священников с их колоколами, смертью, сатаной, адом и вечным проклятием... но, может статься, я и к ним несправедлива. Даже Владычица Озера, ненавидевшая священников, как ядовитых змей, — и ведь не без причины! — однажды отчитала меня за то, что я дурно отозвалась о христианском Боге.

«Ибо все Боги суть единый Бог», — сказала она мне тогда, как внушала много раз до того, и как сама я вразумляла своих послушниц не раз и не два, и как всякая жрица, что придет мне на смену, повторит снова и снова: «Все Богини — суть единая Богиня, и есть лишь одно Первоначало. Каждому — своя истина, в каждом — свой Бог».

Так что, наверное, правда живет где-то между дорогой в Гластонбери, на остров Монахов, и тропею на Авалон, навеки затерянной в туманах Летней страны.

Но вот вам моя правда: я, Моргейна, расскажу вам все как знаю, — Моргейна, которую впоследствии прозвали Феей Морганой.

ВЛАДЫЧИЦА МАГИИ

КНИГА I

